

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ПОЗИТИВИЗМА НА ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г.А. ЛЕЕРА

УДК 355.01

Александр Сергеевич Луньков

кандидат философских наук
заведующий кафедрой философии Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: istorik1981@mail.ru

Автор исследует истоки традиции позитивизма в русской военно-философской мысли. Сравнительному анализу подвергаются некоторые элементы философии О. Конта и теоретические положения теории стратегии Г.А. Леера как прообраза позитивной социальной науки о войне. Среди аспектов анализа автор уделяет внимание историческому методу как основе методологии социальных наук и науки о войне, роли в теоретических научных построениях законов и принципов, а также представлению о соотношении науки и искусства, положительного знания и деятельности. Сделан вывод о влиянии идей классического позитивизма на формирование теории стратегии Г.А. Леера. В статье выявлены основные недостатки учения Г.А. Леера о войне, такие как включение предметной области и содержания науки о войне в предметную область теории стратегии, то есть сведение первой до статуса философии военного искусства и незавершенность создания подлинно положительной социальной науки о войне ввиду отсутствия в конце XIX в. необходимой научной базы в социологии. Автор определяет дальнейшее направление изучения линии позитивизма отечественной военно-философской теории в трудах русских мыслителей-эмигрантов, советских философов и военных теоретиков.

Ключевые слова: позитивизм, философия войны, наука о войне, Г.А. Леер, теория стратегии, законы войны, принципы военного искусства.

Развитие философской мысли необходимым образом затрагивает разные отрасли научного знания, особенно те, которые наиболее важны для общественного развития. Военные знания безусловно относятся к такого рода отрасли науки. Те или иные типы философствования и философские системы часто серьезным образом влияли в истории военной мысли на различные способы накопления, рефлексии, изложения и передачи военных знаний. Так, античная философия, вершиной которой стало учение Аристотеля, сформировала определенный тип рациональности. В результате в военной мысли этого периода появились многочисленные «Стратегемы» – сборники военных хитростей, к которым прибегали те или иные известные полководцы. В свою очередь, немецкая классическая философия дала жизнь знаменитому труду К. фон Клаузевица «О войне», а классическая китайская

философия – трактату Сунь-цзы «Искусство стратегии». Это лишь наиболее яркие примеры взаимодействия философской и военной мысли.

Есть подобные примеры и в истории русской военно-философской мысли. Наиболее очевидное из них – серьезное влияние философии марксизма-ленинизма на формирование советского учения о войне и армии. «Учение о войне и армии – органическая часть марксистско-ленинского учения об обществе. Используя категории и понятия диалектического и исторического материализма, марксистско-ленинское учение о войне и армии исследует наиболее общие, коренные проблемы сущности войны как общественного явления...» [Волкогонов, Миловидов, Тюшкевич 1977: 4]. Но что предшествовало философии марксизма в качестве философского основания отечественной военной мысли? Этот вопрос исследователи практически не поднимали в отечественной литературе.

В данной статье мы рассмотрим труды Генриха Антоновича Леера (1829–1904) – выдающегося русского военного теоретика и историка, генерала от инфантерии, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Он является автором ряда крупных трудов по тактике, стратегии и военной истории. Его работы стали фундаментом развития отечественной военной мысли начала XX в. Г.А. Леер уделял большое внимание философскому исследованию основных проблем учения о войне, стратегии, бое, которое должно было составить базу для целостной и всеобъемлющей науки о войне. Прежде всего мы рассмотрим его работы «Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны «Положительная стратегия» (1869 г.), «Записки стратегии» (1877 г.) и «Стратегия (Тактика театра военных действий)» (1898 г.) Это второе, третье и шестое издания его учебного курса «Военная стратегия», подготовленного для Академии Генштаба. Первое издание этого курса называлось «О современном состоянии стратегии», вышло в свет в 1867 г.

От издания к изданию Г.А. Леер расширял, дополнял, совершенствовал свой труд, который был окончательно завершён в 1898 г. в трех частях: 1) главные операции (трактат об операционных линиях); 2) подготовительные операции (база, сосредоточение в ней войск и запасов) и дополнительные операции (коммуникационные линии, подготовка театра военных действий в инженерном отношении, оборонительные линии, крепости, железные дороги); 3) операции – типы частного характера (горная и степная войны, смешанные – морские операции, оборона берегов, действия на реках). Приложения содержали атласы карт и планов и целые книги отдельных исследований. Теоретические и философские мысли Г.А. Леер излагает и в других своих работах, таких как «Задачи стратегии как искусства и как науки» (1880 г.), «Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории)» (1894 г.) и «Коренные вопросы (военные этюды)» (1897 г.). В них он развивает ряд ключевых положений и конкретизирует частные теоретические вопросы.

Основой методологии учения о войне Г.А. Леера был исторический метод. По его мнению, только изучение исторических фактов дает возможность вывести объективные законы. Он рассуждает так: «Общие признаки,

отвлеченные от большого числа исследованных явлений, и дадут действительные законы, служащие прочною основою науки. С этой минуты наука вступает в положительный период своего существования» [Леер 1869: I]. Исторический метод распространяется на все отделы военно-научного знания – стратегию, тактику и т.д., «потому что стратегия и тактика, рассматриваемые как науки, первая как наука о военных действиях, а вторая как наука о бое, представляют собой не более как систематический свод законов, лежащих в основании искусства ведения войны и искусства ведения боя, т.е. являются отвлечением, философией военной истории» [Леер 1869: II]. Далее следует мысль, что «законы военного искусства должны быть взяты из жизни, выведены из истории путем отвлечения общих признаков от частных явлений» [Леер 1869: XV].

Таким образом, изучение истории войн дает первичный материал для научного анализа. При этом автор довольно глубоко понимает сложность исторического познания, которое требует последовательного применения принципа историзма не только к предмету, но и к самому субъекту познания. «Идеал сводится к тому, чтобы по возможности передумать и перечувствовать все, что было передумано и перечувствовано самим деятелем» [Леер 1894: 68]. По сути это полное психическое «включение» исследователя в историческое событие (операцию, бой) в роли его главного действующего лица – полководца. Далее познание должно следовать по пути классификации. «Классификация – разложение сложного на простое – это прием весьма важный во всех науках и в особенности в общественных (наблюдательных) науках, к разряду которых принадлежат и военные» [Леер 1894: 4].

При этом важно следовать естественной классификации, которая объективно разделяет изучаемое явление на элементы и позволяет в дальнейшем это явление вновь представить уже в виде целостности синтетического познания. Для глубокого изучения свойств предмета познания «необходимо изучать его в полной чистоте, устраняя все посторонние условия времени и места, ... обстановку, то есть внести его, как это делают математики и естествоиспытатели, в своего рода безвоздушное пространство» [Леер 1894: 7]. Дальнейшее применение полученного теоретического, абстрактного знания на практике требует вновь соотнесения наших выводов с реальной обстановкой, что является уже процессом творческим, а не механическим использованием готовых рецептов. При этом автор предостерегает от излишней «позитивности» военных знаний, от создания «положительной науки а la Бюлов, стремящейся дать на каждый случай готовые решения, убить всякое творчество и подвести все дело под шаблоны и рецепты для побед» [Леер 1960b: 319].

Такая точка зрения вполне соотносится с позицией основателя позитивизма Огюста Конта: «Именно в законах явлений действительно заключается наука, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они не были, являются всегда только необходимым сырым материалом» [Конт 2003: 79]. Одной из главных отличительных черт философии позитивизма является ее пристальное внимание к исто-

рии общества. Благодаря принципу историзма, который О. Конт признавал важнейшим принципом философии и социальных наук, позитивизм «может надлежащим образом представить все великие исторические эпохи как различные фазисы одной и той же основной эволюции, где каждый фазис вытекает из предшествовавшего и подготавливает следующий за ним в зависимости от неизменных законов, точно определяющих его специальное участие в общей цепи фактов» [Конт 2003: 160–161].

Главной целью научного познания, как с точки зрения О. Конта, так и с точки зрения Г.А. Леера, является человек. Именно к общественным наукам, главным предметом которых является человек, восходит вся иерархия наук. На это напрямую указывал именно О. Конт, который шел несколько дальше, говоря, что все науки по сути есть части единого целого – науки о человечестве [Конт 2003: 71]. Кроме того, человек – главная движущая сила войны, поэтому он неизбежно становится главным предметом военной науки [Леер 1894: 27]. Общественные явления, и военные в том числе, являются наиболее сложными для изучения, в этом оба мыслителя сходятся во мнении. Сочетание исторического метода с теоретическим (философским) исследованием предмета позволяет «изучать общее ... в частном, в индивидуальном явлениях, в образцах искусства, и этим путем не только дать отвлеченным истинам конкретное содержание, но и ближе всего ознакомиться с бесконечно разнообразным применением, в зависимости от беспрестанных колебаний в обстановке, одних и тех же неизменных принципов» [Леер 1960b: 323]. Такого научного подхода Генрих Антонович Леер и предлагает держаться настолько это возможно. Если же говорить более конкретно, то основными для военных наук являются методы дедукции (в «чистой» стратегии и тактике), индукция (в прикладных разделах военной науки), классификация и аналогия как главные способы разделения фактов на группы и их сопоставления [Леер 1894: 61].

Признание исторического метода в качестве ведущего для социальных наук является первой установкой, говорящей о связи философских взглядов Г.А. Леера и позитивизма. Здесь следует отметить, что рассматриваемые нами его работы вышли в свет, когда основные труды О. Конта уже были опубликованы на французском языке. Русское издание первых двух томов «Курса положительной философии» состоялось лишь в 1899–1900 гг., а «Духа позитивной философии» только в 1910 г. Был ли русский профессор непосредственно знаком с работами французского философа в период создания своих первых работ сказать сложно, но уже в «Методе военных наук» он приводит несколько прямых цитат О. Конта, Дж.С. Милля, но не столько концептуального, сколько афористического характера [Леер 1894: I, 18, 64]. С творчеством другого французского философа-позитивиста и искусствоведа Ипполита Тэна он был знаком еще в период написания своих первых работ [Леер 1870: 14]. Но даже без прямого цитирования схожесть их идей несомненна. Один только факт, что отечественный мыслитель делит историю наук о войне на метафизический («*период измышлений, гипотез*»), схоластический («*период безусловных правил-рецептов*»), диалектический («*период разговоров только о деле, а не самого дела*») и положительный

периоды [Леер 1894: I], говорит о его знакомстве с позитивизмом, по крайней мере в изложении других авторов.

Вторым важным моментом сходства воззрений Г.А. Леера и позитивизма является отношение к объективным законам и проблеме изучения их науками. В разных работах Г.А. Леера мы встречаем такие понятия как «закон», «принцип», «теоретический масштаб», «начало» и т.д. Разделение их по смыслу и объему довольно неопределенно, часто они употребляются в качестве синонимов, что дает справедливый повод для критики. Но так или иначе данные понятия играют ключевую роль в учении Г.А. Леера. Согласно О. Конту, законы свойственны всем явлениям окружающего мира, в том числе и социальным. Открытие этих законов позволит завершить систему положительных наук и использовать их для научного прогнозирования явлений.

В зависимости от положения конкретной науки в иерархии наук (от математики к астрономии, физике, химии, биологии и социологии) ее прогнозы можно использовать для приспособления к явлениям окружающего мира или активного изменения в практической деятельности соответствующих явлений. Например, к астрономическим явлениям мы можем только приспособиться, тогда как область социологии (социальные явления) целиком подвержена активному преобразованию со стороны человека [Конт 2003: 26]. В свою очередь Генрих Антонович видит большую роль для практики в положениях теории военного искусства. Ее задача «давать в своих выводах (принципах, правилах и нормах) лишь правильные отправные точки для решения вопросов и тем направлять решающего на путь правильных решений» [Леер 1960а: 299].

Такая теория может дать только условное решение проблемы, гипотезу, которую необходимо будет постоянно сверять с практикой. В военном деле это означает, что нужно теоретические принципы соотносить и приспособлять к месту и времени, то есть к обстановке, число вариантов которой стремятся к бесконечности. Поэтому в военном деле невозможны рецепты на все случаи жизни. В итоге это гипотетическое знание «по тщательной очистке непрерывной поверкой» [Леер 1960а: 292] ведет к пониманию законов войны и военного искусства. Вслед за О. Контом русский мыслитель подчеркивает важность предвидения явлений и научного прогнозирования развития тех или иных процессов на войне. В этом ведущая роль опять же принадлежит открытым основополагающим принципам. Хотя чрезвычайная сложность военных явлений позволяет лишь незначительно реализовывать эту возможность военной науки [Леер 1880: 12-13].

Рассмотрим подробнее место понятий «закон» и «принцип» в системе взглядов Г.А. Леера. Прежде всего следует отметить, что оперирует ими военная наука предельной общности – «Стратегия в широком смысле» («Философия военного дела»). Автор также выделяет «Стратегию в узком смысле» («Высшую тактику»), которая занимается приложением принципов к практике военного дела. Подобное нечеткое понятийное разграничение различных по содержанию дисциплин на долгое время стало поводом

для критики со стороны противников такого подхода и причиной больших затруднений в классификации военных наук у последователей Генриха Антоновича. «Стратегия в широком смысле есть синтез всего военного дела, его обобщение, его философия... стратегия... как философия военного дела, имеет задачей объяснение военных явлений, не только каждого поодиночке, но и в особенности связей между ними» [Леер 2012: 1].

Именно эта, еще не созданная, но необходимая наука должна находить законы, относящиеся к военной сфере, выводя их из «истории путем отвлечения общих признаков от частных явлений» [Леер 1869: XV]. Здесь идет прямая аналогия с трудами О. Конта, который пишет: «Доказав существование непреложных законов [Моральных и социальных – А.Л.] ... путем предварительной систематизации всего прошлого человечества, современный ум завершит свое трудное предприятие и... построит свой окончательный образ мыслей» [Конт 2012b: 71]. Число этих законов-принципов для сферы военного искусства, по мнению А.Г. Леера, невелико, они вечны и неизменны. Далее он говорит, что законы военного искусства были открыты в основном практическим путем, то есть «a posteriori», «путем наблюдения над живою действительностью, над частными явлениями и отвлечения от них общих признаков» [Леер 1869: 15-16].

Обращает на себя внимание тот факт, что Г.А. Леер в третьем издании своего учебного курса уходит от понятия «закон» в сторону понятия «принцип». Это было закономерно по нескольким причинам. Во-первых, с позиции философской мысли конца XIX – начала XX в., которая в этом вопросе продолжала линию Г. Гегеля, понятие закона чаще всего используется для выражения «общего и необходимого отношения между двумя или большим количеством явлений» [Радлов 1911: 97]. При этом законы войны относятся к разряду естественных законов, претендующих на «всеобщность и неизменность» [Радлов 1911: 99], имеющих характер социологических законов, которые «еще менее точны... в силу того, что социология имеет дело с чисто индивидуальными явлениями, т.е. неповторяющимися, а следовательно, допускающими предвидение и предсказание лишь в весьма слабой степени» [Радлов 1911: 100].

Сделав громкую заявку во втором издании своего труда на превращение науки о войне в положительную науку, Г.А. Леер столкнулся с серьезной проблемой формулирования этих законов. Оказалось, что все сформулированные им законы относятся не к сфере войны как социального феномена, а к сфере военного искусства, то есть к деятельности человека. Сам автор пишет, что «число законов, служащих основанием Военному Искусству, невелико. Они вечны, сами по себе неизменны, только приложение их, в зависимости от обстановки, уходит в бесконечность» [Леер 1869: 14]. Кроме того, во многом за применение понятия закона в военной науке автор подвергся наиболее жесткой критике после выхода первого издания своих «Записок стратегии» [Леер 1870: 5], хотя ход его мысли вполне понятен, а выводы очевидны для сегодняшнего дня: «я понимаю возможность военной науки ... в смысле исследования свойств элементов, влияния их друг на друга и затем в смысле систематического свода законов...» [Леер 1870: 11].

В третьем издании учебного курса Г.А. Леер переходит к понятию принципа как ключевого для всей своей философской системы, что было вполне в духе тогдашней философской мысли, согласно которой принцип «обозначает основание какого-либо реального или мыслительного процесса... Законы этические суть практические принципы» [Радлов 1911: 209]. По аналогии с этическими законами, можно сказать, что военные законы суть практические принципы ведения войны. Исходя из такого понимания Г.А. Леер считает, что «задача теории стратегии, стратегии-науки сводится: 1) к установке руководящих, вечно неизменных начал (принципов), лежащих в основание решения того или другого стратегического вопроса; 2) к исследованию свойств наиболее типичных форм их приложения» [Леер 2012: 108]. Перейдя от понятия закона к понятию принципа Г.А. Леер формально преодолевает «распухание» предметной области стратегии, но фактически ее содержание остается прежним и включает в себя как познание законов войны, так и познание принципов военного искусства.

Это проявилось в других его работах, например в «Методе военных наук». Развивая свои идеи о методологии военных наук, отечественный теоретик приходит к заключению, что теория военного искусства призвана не давать готовые рецепты принятия решений на поле боя, а задача «теории военного искусства сводится к объяснению сущности военных предметов (свойств, природы военных элементов), их взаимодействия и, в конце концов, – природы, сущности военных явлений» [Леер 1894: 3]. Далее следуют пространные рассуждения о принципах военного искусства, их видах и роли в познании явлений войны [Леер 1894: 19], во многом повторяющие его взгляды из более ранних работ. Все это говорит о том, что Г.А. Леер всю свою научную жизнь создавал науку о войне, которая должна была заниматься наиболее общими теоретическими и даже философскими вопросами познания военных явлений. Но обозначать эту дисциплину в качестве «философии войны» или «науки о войне» он не стал.

В последнем издании своей «Стратегии» Генрих Антонович пришел к важнейшему для становления общей науки о войне тезису: «Война подчиняется не только требованиям обстановки, условиям той или другой эпохи, но она прежде всего ... подчиняется высшим законам (принципам), вытекающим из самой ее природы (сущности)» [Леер 1960b: 332]. Признание и доказательство существования специфического предмета исследования, существующего по своим законам, является ключевым моментом становления научной дисциплины и ее демаркации, отделения от других смежных наук.

Эту ситуацию очень точно охарактеризовал другой выдающийся отечественный военный мыслитель Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937), которого можно отнести к основоположникам уже советской военно-философской мысли. В работе «Философия войны», которая долгое время существовала в виде рукописи и увидела свет только в 2003 г., он пишет: «Нельзя в функции одной дисциплины вводить и данные высокого научного обобщения, и общую доктрину приложения принципов к жизни, т.е. во втором случае обобщенное военное искусство: слишком различны эти

функции, различны приемы и, скажу даже, различна психика этих двух углов зрения. Затем. Есть и возможна философия математики, медицины и т.д., но трудно себе представить философию математического творчества или философию врачевания людей...» [Снесарев 2003: 117].

Немаловажным моментом схожести учения Г.А. Леера и позитивизма является понимание соотношения науки и искусства. Начать следует с того, что стратегия в узком смысле понимается русским мыслителем как разновидность искусства – военное искусство. Оно также базируется на творческих способностях человека, таланте военачальника, но «не подчинена произволу творчества... творчество таланта скорее подчиняется известной тождественности по отношению к сущности (основным принципам) и последовательности стратегических операций, т.е. в некотором смысле, принципами ограничивается свобода творчества» [Леер 2012: 105].

Можно сказать, что в сфере стратегии есть свои шедевры (блестящие операции и бои) и свои виртуозы (великие полководцы), на примере которых учатся многие последующие поколения офицеров; делаются попытки подражания решениям известных военачальников; формируются собственные школы и направления, как национальные, так и объединенные вокруг какой-либо доктрины. «Военное искусство труднее и сложнее других, потому что во всех искусствах (живописи, скульптуре...) мастера имеют дело с элементами мертвыми...» [Леер 1869: 4]. Далее следует мысль, объясняющая связь между военной наукой и военным искусством: «Систематический свод законов (теоретических масштабов) с соответствующим их разъяснением, анализом их, предшествуемый исследованием свойств элементов и обнаруживаемого ими друг на друга влияния, составляет науку (или, пожалуй, теорию искусства)» [Леер 1869: 16].

Это одно из ключевых теоретических положений Г.А. Леера. Оно сформулировано в духе позитивизма и отражает иерархию и взаимодействие разных уровней и отделов военной науки. Искусство является применением науки на практике, в конкретном бою или операции. От того, насколько искусен военачальник, будет зависеть исход всего предприятия. Об этом О. Конт пишет в параграфе с характерным названием «Гармония между наукой и искусством, между положительной теорией и практикой»: «Естественный порядок, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответственных явлений, должен, очевидно, быть нам сначала хорошо известен для того, чтобы мы могли либо его изменять в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение...» [Конт 2003: 99].

Таким образом, в данном суждении наблюдается почти полное совпадение взглядов О. Конта и Г.А. Леера. Это отразилось в направлении дальнейшей работы Г.А. Леера над следующими изданиями. Именно понимание стратегии в узком смысле как вида искусства потребовало от него теоретической корректировки своего учения о войне. Война и военная деятельность относятся к социальной сфере и соответственно должны стать предметом исследований для социальной науки, законы которой своеобразны. Выведение вечных и неизменных соотношений явлений в военной сфере

неизбежно потребует их соотнесения с общими социальными законами. Сделать это во второй половине XIX в. было крайне затруднительно из-за неразработанности предмета социальных наук. Автору оставалось ограничиться только сферой военной деятельности, то есть принципами военного искусства.

Принципы не носят такого безусловного характера как законы и могут активно перерабатываться и приспосабливаться к конкретной ситуации деятельности. «Редко, крайне редко требования чистого принципа совпадают с требованиями обстановки, почти никогда. ... Решение каждого вопроса является в виде неизбежной сделки, компромисса между принципом и обстановкой, влекущую за собой ломку того или другого принципа, и эта ломка должна быть признаваема всегда законною, пока не выходит из пределов требований обстановки» [Леер 2012: 9-10]. Г.А. Леер наметил направление дальнейшего развития науки о войне в сторону создания позитивной социальной дисциплины с собственными специфическими законами. Однако он зафиксировал и основные пробелы в современном ему состоянии этого вопроса. Но и здесь он остался в русле подхода О. Конта, который писал: «Одно и другое, [наука и искусство – А.Л.] каждое по-своему, обнимают совокупность реальных явлений... Они оперируют над своими предметами, следуя по одному и тому же естественному пути, согласно моему энциклопедическому закону, т.е., поднимаясь от наиболее простых и наиболее внешних умозрений к умозрениям наиболее сложным и наиболее близко касающимся человека» [Конт 2012а: 114].

Подобный тезис оправдывает существование науки о войне внутри теории военного искусства. Проблема их демаркации еще не осознана как имеющая большое теоретическое значение. На уровне современных исследований наука о войне (или философия войны как социального феномена) оказывается в подчиненном положении относительно теории военного искусства (или философии военной деятельности как вида социальной активности).

В контексте взаимоотношения науки и искусства становится более понятно отношение Г.А. Леера к правилам и нормам военного дела. Он активно выступал против формулирования теоретиками и слепого применения командирами на поле боя безусловных правил, шаблонов «рецептов побед». Многочисленными примерами из отечественной и зарубежной военной истории он доказывал всю пагубность подобной практики, называя ее «метафизической стратегией» [Леер 1880: 21]. Но все же понятия «правило» и «норма» занимают определенное место в его теоретической системе. Они возникают всякий раз, «когда приходится применять безусловный принцип к условной обстановке» [Леер 1894: 54]. Однако это – явления разного уровня: «правила – те же законы, но более частного и условного характера (частные эмпирические законы)» [Леер 1894: 55]. Правила регулируют применение принципов на практике, их взаимодействие и соотношение с реальной обстановкой. Нормы же «неизбежны в низших частях искусства, там, где один и тот же вопрос решается более или менее однообразно, где нужна рутинная работа, где искусство является ремеслом» [Леер

1894: 58]. Правила и нормы не отменяются, но их действие ограничивается более низшими отделами военного искусства, нежели стратегия и оперативное мастерство.

Таким образом, можно заключить, что учение о войне и военном искусстве Генриха Антоновича Леера испытало большое влияние классического позитивизма в трактовке О. Конта и некоторых других представителей данного течения. Можно сказать, что своими работами отечественный мыслитель положил начало традиции позитивизма в русской военно-философской мысли.

Эта линия продолжилась в работах целого ряда военных теоретиков Российской империи, СССР и Русского зарубежья. Постепенно эта традиция разделилась на два главных направления. Содержанием первого были попытки и проекты создания конкретных социальных наук о войне (военной социологии, педагогики и психологии). Итогом этого стали труды деятелей Русского зарубежья первой половины XX в. (Н.А. Корфа, Н.Н. Головина и др.). Вторым направлением развития теоретического наследия Г.А. Леера стали подходы к созданию философии войны (например в трудах А.Е. Снесарева и А.А. Свечина), которые были основоположниками советской военно-философской мысли. Данная линия оказалась очень плодотворной и востребованной. Она серьезно повлияла на разработку марксистско-ленинского учения о войне и армии в нашей стране.

Материал поступил в редколлегию 14.03.2014 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волкогонов Д.А., Миловидов А.С., Тюшкевич С.А. (ред.) 1977. Война и армия : филос.-социолог. очерк / под ред. Д.А. Волкогонова, А.С. Миловидова и С.А. Тюшкевича. М. : Воениздат. 415 с.

Конт О. 2003. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д. : Феникс. 256 с.

Конт О. 2012а. Общая теория искусства // О. Конт. Общий обзор позитивизма : пер. с фр. / под ред. Э.Л. Радлова. Изд. 3-е. М. : Кн. дом «Либроком». Ч. 5, гл. 4. С. 114-115.

Конт О. 2012б. Чтобы создать позитивный синтез, нужно было преодолеть огромное теоретическое затруднение: дополнить понятие об естественном законе и распространить его на социальные и моральные явления // О. Конт. Общий обзор позитивизма : пер. с фр. / под ред. Э.Л. Радлова. Изд. 3-е. М. : Кн. дом «Либроком». Ч. 1, гл. 13. С. 71-74.

Леер Г.А. 1869. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (Положительная стратегия). Ч. 1. СПб. : Печатня В. Головина. 503 с.

Леер Г.А. 1870. Положительная военная наука. Ответ на критический очерк А.Ф.Н. СПб. : Тип. департамента уделов. 27 с.

Леер Г.А. 1880. Задачи стратегии как искусства и как науки. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, ценз. 35 с.

Леер Г.А. 1894. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). СПб. : Тип. С.Н. Худекова. [2], II, VI, 102 с.

Леер Г.А. 1960а. Коренные вопросы (военные этюды) // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / под ред. Л.Г. Бескровного. М. : Воен. изд-во МО СССР. С. 289-305.

Леер Г.А. 1960b. Стратегия (Тактика театра военных действий) // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / под ред. Л.Г. Бескровного. М. : Воен. изд-во МО СССР. С. 306-338.

Леер Г.А. 2012. Военная стратегия : учеб. курс. Изд. 4-е. М. : Кн. дом «Либроком». 464 с.

Радлов Э.Л. (ред.) 1911. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э.Л. Радлова. СПб. : Тип. Акционер. о-ва Брокгауз–Ефрон. 284 с.

Снесарев А.Е. 2003. Философия войны. М. : Финанс. контроль. 288 с.

References

Comte A. *Chtoby sozdat' pozitivnyj sintez, nuzhno bylo preodolet' ogromnoe teoreticheskoe zatrudnenie: dopolnit' ponjatie ob estestvennom zakone i rasprostranit' ego na social'nye i moral'nye javlenija* [The chief difficulty of the Positive Synthesis was to complete our conception of the External Order by extending it to Social Phenomena], *O. Kont. Obshhij obzor pozitivizma*, 3rd ed., Moscow, Kn. dom «Librokom», 2012, pt. 1, chap. 13, pp. 71-74. (in Russ.).

Comte A. *Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii)* [The spirit of the positive philosophy. (A word about positive thinking)], Rostov-on-don, Feniks, 2003, 256 p. (in Russ.).

Comte A. *Obshhaja teorija iskusstva* [Theory of Art], *O. Kont. Obshhij obzor pozitivizma*, 3rd ed., Moscow, Kn. dom «Librokom», 2012, pt. 5, chap. 4, pp. 114-115. (in Russ.).

Leer G.A. *Korennye voprosy (voennye jetjudy)* [Indigenous issues (military studies)], *L.G. Beskrovnyj (ed.) Russkaja voenno-teoreticheskaja mysl' XIX i nachala XX vekov*, Moscow, Voen. izd-vo MO SSSR, 1960, pp. 289-305. (in Russ.).

Leer G.A. *Metod voennyh nauk (strategii, taktiki i voennoj istorii)* [The method of the military sciences (strategy, tactics and military history)], St. Petersburg, Tip. S.N. Hudekova, 1894, [2], II, VI, 102 p. (in Russ.).

Leer G.A. *Opyt kritiko-istoricheskogo issledovanija zakonov iskusstva vedenija vojny (Polozhitel'naja strategija). Ch. 1* [The experience of the critical-historical study of the laws of the art of war (The positive strategy), pt. 1], St. Petersburg, Pechatnja V. Golovina, 1869, 503 p. (in Russ.).

Leer G.A. *Polozhitel'naja voennaja nauka. Otvjet na kriticheskij ocherk A.F.N.* [The positive military science. The answer to the critical essay A.F.N.], St. Petersburg, Tip. departamenta udelov, 1870, 27 p. (in Russ.).

Leer G.A. *Strategija (Taktika teatra voennyh dejstvij)* [The strategy (the tactic of the theater of operations)], *L.G. Beskrovnyj (ed.) Russkaja voenno-teoreticheskaja mysl' XIX i nachala XX vekov*, Moscow, Voen. izd-vo MO SSSR, 1960, pp. 306-338. (in Russ.).

Leer G.A. *Voennaja strategija: ucheb. kurs* [The military strategy. The training course], 4th ed., Moscow, Kn. dom «Librokom», 2012, 464 p. (in Russ.).

Leer G.A. *Zadachi strategii kak iskusstva i kak nauki* [The tasks of the strategy as an art and as a science], St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K^o, 1880, 35 p. (in Russ.).

Radlov Je.L. (ed.) *Filosofskij slovar' logiki, psihologii, jetiki, jestetiki i istorii filosofii* [The Philosophical Dictionary of the logic, psychology, ethics, aesthetics and the history of philosophy], St. Petersburg, Tip. Akcioner. o-va Brokgaуз–Eфрон, 1911, 284 p. (in Russ.).

Snesarev A.E. *Filosofija vojny* [The philosophy of war], Moscow, Finans. kontrol', 2003, 288 p. (in Russ.).

Volkogonov D.A., Milovidov A.S., Tjushkevich S.A. (eds.) *Vojna i armija. Filosofsko-sociologicheskij ocherk* [The war and the army. The philosophical and sociological essay], Moscow, Voenizdat, 1977, 415 p. (in Russ.).

Alexander S. Lun'kov, Candidate of History, Head of the Educational Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: istorik1981@mail.ru

INFLUENCE OF POSITIVIST PHILOSOPHY OVER G.A. LEER'S MILITARY THEORY

Abstract: The author explores origins of the tradition of positivism in the Russian military-philosophical thought. The subjects of comparative analysis are some elements of A. Comte's philosophy and theoretical assumptions of G.A. Leer's theory of strategy as a type of positive social science of war. The author pays attention to the historical method as the basis of the methodology of social sciences and the science of war in particular, to the role of research in theoretical constructions of laws and principles, and to the relationship between science and art, knowledge and activity. The author concludes about the impact of ideas of classical positivism over the formation of G.A. Leer's theory of strategy. In addition, the article identifies the main shortcomings of G.A. Leer's theory of war, such as the inclusion of the subject area and the content of the science of war into the subject area of the theory of strategy, i.e., reduction of the first to the status of the philosophy of martial arts, as well as the incompleteness of truly positive social science of war due to the lack of the necessary scientific sociological basis in the late XIX century. The author defines subsequent direction of the study of positivism in the domestic military-philosophical thought in the works of Russian emigrant thinkers, Soviet military theorists and philosophers.

Keywords: Positivism, philosophy of war; science of war; G.A. Leer; theory of strategy; laws of war; principles of military art.